

УДК 81'42:32

**Дискурс реагирования: неориторическая модель
политической коммуникации**

Синельникова Л. Н.

*Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко,
г. Луганск, Украина*

В статье подтверждается легитимность дискурса реагирования (далее — ДР) как важного звена политических коммуникаций. Специфика ДР связана с когнитивно-коммуникативной установкой на вытеснение одних аргументов и замещение их другими. ДР представляет собой «войну языковых знаков» как «войну дискурсов». Событие превращается в событийную среду, в которую включаются все новые и новые аргументы «замещения». В результате интерпретация сама становится событием. Основная стратегия ДР — создание аттракции с целью удержания адресата в общем с автором ментальном пространстве. В ДР фиксируется множество аттрактивных структур, ориентированных на привлечение внимания адресата. Отход от стандартных стратегий в сторону косвенного говорения — типологически значимая черта ДР. «Зону сцеплений» (аутопойезис) в ДР обеспечивают: 1) местоименная ролевая организация, 2) совместная тональность риторических приёмов, 3) использование в разных формах «чужой речи» как интенционального объекта.

Ключевые слова: *дискурс реагирования, политическая коммуникация, множественность адресата, технологизация дискурса, неориторика, аутопойезис.*

Стиль полемики важнее предмета полемики.
Предметы меняются, а стиль создаёт цивилизацию.
(Г. Померанц)

Дискурс реагирования (далее — ДР) – существенное, едва ли не доминирующее звено объёмного пространства политических коммуникаций: власть утверждает себя в конкурентной борьбе, которая по большей части связана с деятельностью по «вышению» собственного имиджа и «снижению» имиджа оппонентов. В номинацию «дискурс реагирования» заложено сложное в психологическом отношении понятие — реакция. *Реакция* (от лат. *re* — против, *action* — действие) — акт поведения, инициируемый неким событием внешнего мира, поведением другого человека, других людей, с которыми вступаешь во взаимодействие. Реакция связана с целым спектром состояний: ощущениями, представлениями, мыслями, эмоциональными переживаниями, с настроением. Реакции могут быть произвольными и непроизвольными, но в любом случае они возникают в ответ на стимул из внешнего, событийного, мира и проявляют отношение к такому стимулу.

В диалоге реакция превращается в реагирование (*реагировать* — отзываться каким-нибудь образом на раздражение, воздействие извне; проявлять своё отношение к чему-либо), то есть приобретает вербальную форму. В политической коммуникации диалог — социальное событие особого рода, в котором всегда есть напряжённость, объясняемая природным для многих видов политических акций противодействием. Реакции в политическом тексте проявляется на языковом, дискурсивном и коммуни-

кативном уровнях. Дискурс — когнитивная структура, в которой соединяются бытие физическое, мыслительное и словесное. Дискурсивный подход предполагает исследовательские действия в триаде: интенциональность — коммуникация — язык.

Задача интерпретатора ДР — понять, как проблема, связанная с медийным событием политической тематики, транспонируется в проблемы организации высказывания, то есть в языковую проблему — в этом цель настоящей статьи.

Реакция не может предшествовать событию. Для дискурса реагирования важен такой параметр, как время проявленной реакции (RT) — «интервал со времени предьявления какого-либо раздражителя» [14, с. 64]. ДР — реакция на уже сказанное, свершившееся, то есть с определённых позиций оценивается другой политический текст как социально значимое политическое событие. Все участники свершившегося события отдалены друг от друга как во времени, так и в пространстве, но, несмотря на это, ДР строится в перформативном режиме, то есть в соотнесённости с лицом активно реагирующего на внешний стимул субъекта, производящего целенаправленные речевые действия. Говорящий создаёт единый дейктический центр, определяющий характер его действий по организации текста. Перформативность ДР, таким образом, это персональная локализация автора как субъекта восприятия, субъекта сознания и субъекта речи.

Коммуникация — движение смыслов в социальном времени и пространстве. ДР демонстрирует движение смыслов, возникающих в результате вовлечённости многих социальных акторов в инсценирование политического события. Поведением автора, интерпретирующего событие, «управляет» множественный адресат: единомышленники, оппоненты, противники, заинтересованные и разочарованные читатели и т.д. В ДР происходит усложнение адресант-адресатных отношений, по сути, возникает новая модель этих отношений, и этот факт отражается на языковом устройстве текста. Многосубъектность выливается в «текстовую мозаичность», которую есть основания признать фактом неориторики в таком её качестве, как отсутствие стилистических (оценочно-прагматических) ограничений в соединении признаков первичного текста и текста-интерпретации.

В ДР действуют две основные коммуникативные установки: *вытеснение* (убрать аргументы оппонентов) и *замещение* (заменить своими, придав им максимально убедительную, вызывающую доверие адресата форму). ДР основывается на когнитивной цепочке: событие — восприятие — переработка сознанием — ответное действие. Модусы истины, перцепции («переживаемость» события), оценки, мнения, знания и т.д. в ДР [12] осуществляются с помощью лингвориторических приёмов, конфигурация которых способствует включению в организуемый автором диалог множества субъектов речевых действий. Политическая активность аналитика адресанта, обращённость к сознанию и пониманию адресата неизбежно усложняют архитектуру речевых действий прежде всего через обращение к ресурсам риторики. Умело применённый риторический приём устанавливает и укрепляет отношения с адресатом и способствует формированию доверия к высказываемой автором позиции.

Коммуникация — разновидность взаимодействия между субъектами, опосредованного некоторым объектом. Объектом ДР является другой текст, зафиксировавший общественно значимое событие. Событие — известная информация, интерпретация — новое видение события. Событие в политическом ДР представляет собой соединение репрезентатива (сообщение о чём-либо) и экспрессива (выражение состояния субъекта речи, определяющее направление оценки события). Не только по заявленной теме, но и по способу подачи события можно идентифицировать текст как политический ДР. Сама тема большинства событий политического характера в современной Украине воспринимается как источник особого вида реагирования.

Остановимся на двух примерах.

(1) *На прошедшей 21-25 января первой в этом году сессии ПАСЕ украинский вопрос не рассматривался. Однако обсуждался ряд тем, где попутно можно было поговорить об Украине. Но вышло так, что оппозиция, а точнее — депутаты «Батькивщины», которые составляют большинство в оппозиционной части делегации, сама себя высекла (Алексей Попов, «Батькивщина» в ПАСЕ сама себя высекла и ухудшила перспективы борьбы за освобождение Тимошенко // Еженедельник 2000. 1.П.2013).*

(2) *Не стихает резонанс от телепередачи «ДНК-портрет нации», продемонстрированной недавно на одном из общенациональных каналов. Авторы «скромно» назвали её «уникальным исследовательским проектом», а телеканал радостно сообщил, что по рейтингам данный «уникум» обошёл многие популярные сериалы, и его посмотрело более 6 миллионов украинцев. «Показатели просмотра продемонстрировали высокий зрительский интерес к серьёзной исследовательской документалистике», — пафосно заявили авторы проекта (Владимир Корнилов, Откуда у парня арийская грусть? // Еженедельник 2000. 1.П.2013).*

Индущирующие возможности первичного текста различны. Если в первом примере основную оценочную миссию выполняет «сильный» (к слову сказать, достаточно частотный) сигнал интертекстуальности — «сама себя высекла», который, кроме отсылки к литературному сюжету, имеет компонент «высекла», обладающий большим оценочным зарядом независимо от знания исходного текста. Этот экспрессив вошёл и в название статьи. Больше в статье нет ни одного экспрессива — представлена только документальная информация. Во втором случае иначе: всё организуется в характерной для ДР тональности: автор не рассказывает (или не столько рассказывает), а возражает. Каждый медийный вид представления события демонстрирует связанные с ним дискурсивные роли автора: в первом случае — ретрансляция события с установкой на определённую меру детализации, во втором случае автор берёт на себя роль эксперта и критика. Проявляется очевидная закономерность: чем больше экспрессивов в событийной части политической статьи, тем больше оснований считать ДР проявлением «информационной войны». Более того, наиболее действенным через продолжительность, то есть повтор в статье, оказывается экспрессив, использованный автором в репрезентативе — сообщении о событии.

Информационная война — это прежде всего вербальная война [13]. Текст, относящийся к политической серии «информационные войны», обязательно обнаруживает негативную обратную связь с первичным текстом, и обратная связь в этом случае проявляет себя как процесс верификации неправдивости и неискренности действий и личных качеств оппонентов [5]. ДР представляет собой «войну языковых знаков» как «войну дискурсов». Событие превращается в событийную среду, в которую включаются всё новые и новые аргументы «замещения». В результате интерпретация сама становится событием.

Технологизация дискурса — свойство современных политических коммуникаций [11]. Журналисты, специалисты по связям с общественностью при этом выполняют роль технологов дискурса. ДР формата информационной войны особо технологичен. В русле этого свойства нам показалось удобным применить понятие «кейс» для выявления и дифференцирования технологий ДР.

Традиционное представление о кейсе как «управлении случаем» сложилось в образовательно-тренинговой среде (разбор проблемных ситуаций) и в журналистской практике («журналистский кейс» — рассматриваемый с разных сторон сюжет одной темы). Кейс в нашем случае — фрагмент ДР, представляющий собой выбранный политическим актором способ речевого действия, направленный на успешную реализацию стратегии. Кейс — технология, обеспечивающая реализацию стратегии через

адекватный тактический ход, имеющий определённое вербальное выражение. Причём большинство вербальных форм имеет риторическую природу.

Условие успешности – понимание адресатом иллокутивной силы речевого акта. Интенция – психологическая реальность коммуникации. Психосоциальные факторы обуславливают специфику интенционального пространства дискурса [4]. Кейс в ДР — единица анализа и носитель интерактивного смысла, интенциональный объект «управляемый» как смыслом, так и адресатом. Интенция направлена на объект, который в результате наделяется свойствами, нужными автору и важными для адресата. Референция и коммуникация связываются через интенцию. Так, в предвыборном политическом дискурсе с точки зрения психолингвистики общения выделено 50 интенциональных компонентов в речах политиков. К числу психосоциальных факторов, влияющих на организацию дискурса, отнесены: мотивационные состояния субъекта коммуникации, его дискурсивные способности и эффекты дискурсивного взаимодействия [8; 9].

Кейс, на наш взгляд, операционально удобен, так как увеличивает интерпретативную оптику ДР. Смена кейса – смена стиля, смена привлекаемых для обоснования реагирования «чужих» дискурсов. Движение кейсов — это и есть архитектоника речевых действий в ДР.

Основная стратегия ДР — создание аттракции. Цель — удержать адресата в общении с автором ментального пространства. В ДР фиксируется множество аттрактивных структур, ориентированных на совместность с адресатом: культивируется общий опыт, общая память, общие проблемы и т.д. Этот вид дискурса имеет аутопоэзную организацию. Аутопоэзис означает воспроизведение, самотворение основных компонентов системы. Исследовательский принцип аутопоэзного анализа основывается на идее о том, что предмет приобретает значение в соотносённости с чем-либо другим для создания «эффекта истинности» (о применении концепции аутопоэзиса Н. Лумана к анализу типов производства знания в интернет-коммуникациях, в журналистике, рекламе и PR см.: [6; 7]). На уровне синтактики аутопоэзис можно толковать как последовательное расположение речевых актов, обеспечивающее «зону сцеплений». Для создания «многоголосия» в ДР используются возможности разных языковых форм и оценочных категорий.

К числу эпистемологических структур, способных к аутопоэзису в системе ДР, отнесём: 1) местоименную ролевою организацию; 2) соотносённость тональностей, регистрируемых риторическими приёмами, 3) использование в разных формах «чужой речи» как интенционального объекта. Каждую аутопоэзную структуру можно рассматривать как аргумент «замещения» чужой позиции своей интерпретацией — своим мнением, своей афористикой, своим жизненным и аналитическим опытом. В ДР логическая и риторическая аргументация переплетаются, но риторическим аргументам принадлежит ведущая роль. Интенционал аргументов в ДР — не только создать противовес доводам оппонентов, но и выработать зоны согласия с адресатом.

Кейс «я и другие» ориентирует на внимание к местоименной ролевой организации как к варьированию моделируемого автором «диапазона причастности» (Л.А. Гоготишвили) — отдалённости или приближенности к личностям, связанным с интерпретируемым событием. Происходят «разного рода модификации, расщепления и трансформации, которым подвергается чистое Я в имманентном интерсубъективном пространстве высказывания, содержащем вместе с разными я-позициями и разного рода «он», «ты» и «мы» позиции» [9, с. 14].

Значительная часть смыслов в ДР находится в зоне подразумеваемого — семантически не воплощённого, непрямого. Предваряющее ДР событие референтно прозрачно, интерпретация по причине множества форм непрямого говорения имеет другую, собственную, референцию. Риторические приёмы, организующие косвенные рече-

вые акты, оказываются значимыми интенциональными объектами в ДР и проявляют себя как «ожившая интенция» (Ж. Деррида).

Кейс «ирония» в ДР занимает основные позиции в системе структур непрямого говорения. Атрактивность иронии проявляется в таких свойствах этого приёма, как рапирность (использование приёма «подхвата» ключевой фразы первичного текста с целью её дискредитации), цитирование, аллюзивность (пребывание цитаты в новых контекстных условиях изменяет её содержание и восприятие адресатом). ДР подтверждает оценку иронии как дискурсивного феномена [2]. Через иронию в ДР осуществляется новая концептуализация события — происходит совмещение риторического начала, закреплённого традицией за этот приёмом, и когнитивного, оценочно-познавательного сопровождения. С позиций синтактики ирония оценивается как «встреча» в одной конструкции двух тонально-модальных ракурсов, двух воплощённых оценок (или голосов, точек говорения), их интерференция, перебой» [3, с. 180]. Приведём пример аутополезного развития приёма иронии в условиях ДР: *Передача начинается с некоей конспиративной встречи в некоем немецком городке, где расположен институт Форстера». Сразу возникает вопрос: при чём же тут Кембридж? Зрителю предлагается ограничиться лишь сведениями, что он расположен «в 120 км на північний захід від Дюссельдорфа». Вроде бы мелочь, но зёрна сомнения в «серьёзности исследования» уже были посеяны. Мы же повернёмся к этой загадочной встрече с этим загадочным профессором в загадочном немецком городе, населённом истинными кембриджцами (В. Корнилов, Откуда у парня арийская грусть?).* В аутополезную последовательность включены: трижды повторяемое неопределённое местоимение *некий*, тройной повтор слова *загадочный*; авторское высказывание инкрустируется фрагментами дискурса оппонента («серьёзность исследования», «истинные кембриджцы»).

Насыщенность закавыченными словами — один из показателей ДР: *Стало быть, это не «кембриджские профессора» сообщили авторам фильма о своём «открытии», это авторы приехали в как бы Кембридж со своей готовой «сенсацией», а далее уже исследования генетика постарались втиснуть в свою «арийскую теорию».* В кавычки берутся слова, части фраз первичного текста (нередко украинизмы, которые в этом случае приобретают особую представительскую функцию в «борьбе дискурсов», уникальный пример такого рода борьбы — новообразование «во(й) на, синтезирующее на «молекулярном» уровне слово «война» и местоимение «она», то есть «она», Ю. Тимошенко).

Кейс «тропы» является идентификатором не только ДР, но и любой другой политической коммуникации. Более того, сквозь призму политической тропологии можно судить о положении дел в политике, о состоянии общественного сознания, об оценочной параметризации политических действий. Метафора в политических коммуникациях — предмет особого интереса исследователей (А.Н. Баранов, Э.В. Будаев, О.П. Ермакова, И.И. Кобозева, Э.Р. Лассан, А.П. Чудинов и др.). Определены доминирующие темы, организующие группы метафор, названы метафорические модели, описаны характерные для разных культур и персоналий метафорические образы. ДР — источник пополнения «метафорической мозаики» (А.П. Чудинов): появляются новые темы, связанные с новыми политическими фреймами, актуальными для того или иного постсоветского государства в определённый период времени. Каждая метафора создаёт своё пространство предикации, в том числе такое, которое свидетельствует о превращении на определённом этапе борьбы за власть в войну за власть. Агрессивный прагматический потенциал в ДР проявляет «медицинская» метафора как метафора конфликта: *политическая скоптофобия (скоптофобия — боязнь пристального разглядывания другими), судороги реакции, зондаж настроений, скальпель критического мышления, бархатная эвтаназия.* Резервы «медицинской» метафоры, если ори-

ентироваться на справочники болезненных патологий, неисчерпаемы. Безграничны-возможности «развёртывания» метафоры: *закручиванию гаек мешают срывы резьбы*. Лингвистический мониторинг метафор ДР может дать интересную информацию о формировании новых метафорических моделей и о пополнении переносными номинациями уже описанных исследователями разрядов.

Кейс «чужая речь». В ДР чужая речь становится интенциональным объектом высокой степени оценочности. Включённое в авторскую фразу, слово из другого дискурса лишается признаков, которыми его наделял первичный текст, и модальность высказывания меняется на противоположную. В ДР фиксируется своя типология синтаксических явлений, связанных с возможностями комбинирования смыслов на уровне синтактики.

Номенклатура кейсов ДР велика. Выбор 3-х кейсов обусловлен их тесной связью с природой реагирования именно в политической коммуникации, для которой характерна оппозиция «мы – они», «свои – чужие» и с которой связана борьба технологий. Технологии ДР риторически отмечены, и тексты, манифестирующие такой вид дискурса, оказываются «игровым полем» для «наложения» голосов, их совмещения и разделения. ДР демонстрирует частоту модальных сдвигов. Все риторические приёмы в ДР модальны и коммуникативны. Рамочная конструкция ДР «мы – они» наполняется разными типами отношений через смену коммуникативных позиций. Риторика в ДР приобретает характер лингвофилософской дисциплины. Диалогичность коммуникации, выраженная интенциональностью риторических приёмов — родовые признаки современного медиадискурса [1], одним из специфических видов которого является ДР.

Список литературы

1. Анненкова И.В. Современная медиакартинка мира: неориторическая модель (Лингвофилософский аспект) : автореф. дисс. на соискание уч. степени доктора фил.наук : спец. 10.01.01 «Журналистика», 09.00.13 «Философская антропология, философия культуры» / И. В. Анненкова. — М., 2012. — 58 с.
2. Веселова Н.В. Ирония в политическом дискурсе : автореф. дисс. на соискание уч. степени канд. фил.наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / Н. В. Веселова. — Нижний Новгород, 2003. — 20 с.
3. Гоготишвили Л.А. Непрямое говорение / — Л. А. Гоготишвили. — М.: Языки славянских культур, 2006. — 716 с.
4. Дискурс в современном мире : сб. / Отв. ред. Н.Д. Павлова, И.А. Зачёсова. — М.: Изд-во «Когито-Центр» ИП РАН, 2011. — 368 с.
5. Домышева С.А. Политический дискурс в пространстве дискурса реагирования (на материале британской и американской прессы за 2000-2007 годы) : дисс. на соискание уч. степени канд. фил.наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / С. А. Домышева. — Иркутск, 2008. — 188 с.
6. Кожемякин Е.А. Социальные модели дискурсного производства знания в медиасообществах / Е. А. Кожемякин // Наукові записки Луганського національного університету. Серія «Філологічні науки». Дискурсологія: мова, культура, суспільство : зб. наук.праць. — № 1 (37). — Луганськ : Вид-во ДЗ «ЛНУ імені Тараса Шевченка», 2013. — С. 90—100.
7. Лавренчук Е.А. Аутопойезис социальных сетей в интернет-пространстве : дисс. на соискание уч. степени канд. фил.наук : спец. 09.00.11 «Социальная философия». — М., 2011. — 186 с.
8. Павлова Н.Д. Предвыборные выступления и понимание интенций политиков избирателями / Н. Д. Павлова // Вопросы психологии. — 2008. — № 1. — С. 36-44.
9. Павлова Е.Д. Средства массовой информации — инструмент скрытого воздействия на сознание: социально-философский анализ : монография. / Е. Д. Павлова. — М.: Наука, 2007. — 206 с.
10. Плотникова С.Н. Политик как конструктор дискурса реагирования / С. Н. Плотникова // Политический дискурс в России. 8. Святые без житий : материалы постоянно действу-

ющего семинара :[сб науч. тр.]/ Под ред. В.Н. Базылева, В.Г. Красильниковой. – М.: МАКС Пресс, 2005. — С. 22-26.

11. Плотникова С.Н. «Дискурсивное оружие»: роль технологий политического дискурса в борьбе за власть / С. Н. Плотникова // Вестник Иркутского лингвистического ун-та. — 2008. — № 2. — С. 138-144.

12. Плотникова С.Н., Домышева С.А. Политическое дискурсивное пространство: принципы структурирования / С. Н. Плотникова, С. А. Домышева// Политическая лингвистика. — 2009. — № 1 (27).— С. 104-109.

13. Романова Т.В. Словесный экстремизм: манипулятивные речевые технологии / Т. В. Романова // Журналистика и культура русской речи. — 2012. — Т. 62. — № 2. — С. 56-68.

14. Современный психологический словарь / Под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. – СПб.: «прайм-ЕВРОЗНАК», 2006. – 490 с.

Синельникова Л.М. Дискурс реагування: неориторична модель політичної комунікації // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65). № 1 – С.293-299

У статті підтверджується легітимність дискурсу реагування (далі — ДР) як важливої ланки політичних комунікацій. Специфіка ДР пов'язана з когнітивно-комунікативною установкою на витіснення одних аргументів і заміщення їх іншими. ДР являє собою «війну мовних знаків» як «війну дискурсів». Подія перетворюється на подієву середу, до якої включаються все нові й нові аргументи «заміщення». В результаті інтерпретація сама стає подією. Основна стратегія ДР — створення атракції з метою утримання адресата в загальному з автором ментальному просторі. У ДР фіксується безліч атрактивних структур, які орієнтовані на привернення уваги адресата. Відхід від стандартних стратегій у бік непрямого говоріння — типологічно значуща риса ДР. «Зону зчеплень» (аутопойезис) в ДР забезпечують: 1) займенникова рольова організація, 2) спільна тональність риторичних прийомів, 3) використання в різних формах «чужої мови» як інтенціонального об'єкту.

Ключові слова: дискурс реагування, політична комунікація, множинність адресата, технологізація дискурсу, неориторика, аутопойезис.

Sinelnikova L. N. Respondediscourse: neorhetoricalmodelofpoliticalcommunicati on // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65). No 1 – P.293-299

Thearticleconfirmsthelegitimacyoftherespondediscourse (furtherreferredtoas RD) asanimportantlinkofpoliticalcommunication. Thespecificcharacterofthe RD isconnectedwiththecognitiveandcommunicativesettoexcludecertainargumentsandreplacethemwithotherones. The RD representsthe 'waroflanguagesigns' asthe 'warofdiscourses'. Aneventturnsintoanevenenvironment, whichincludesmorenewargumentsof'replacement'. As a resulttheinterpretationitselfturnsintoanevent. Themainstrategyofthe RD iscreatinganattractioninordertokeeptheaddresseeinthecommonmentalspacetogetherwiththeauthor. Manyattractivestructureshataremeanttocatchtheattentionoftheaddresseeareregisteredinthe RD. Thedeviationfromstandardstrategiestowardsindirectspeakingis a typologicallyimportanttraceofthe RD. The 'cohesionzone' (autopoiesis) inthe RD isprovidedby: 1) pronounroleorganisation, 2) combinedtoneofrhetoricaldevices, 3) useof'strangespeech' initsdifferentformsasanintentional object.

Keywords: respondediscourse, politicalcommunication, addresseemultiplicity, discoursetechnologisation, neorhetic, autopoiesis.

Поступила в редакцию 22.04.2013 г.